

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. П. Заостровцев¹

канд. экон. наук, профессор кафедры институциональной экономики Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)

ЕГОР ГАЙДАР И НОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ²

Обсуждение вклада Е. Гайдара как академического исследователя (в отличие от не всегда содержательных споров вокруг его политической практики) только начинается (Аганбегян, 2010; Заостровцев, 2011; Мау, 2010; Травин, 2011; Ясин, 2011). Обращение к работам выдающихся представителей такого направления общественной мысли, как новая институциональная экономическая история (НИЭИ), позволяет увидеть, что Е. Гайдар без какой-либо натяжки может быть причислен к тем, кто стоит в их ряду. Если же обратиться к применению институциональной экономической теории к истории России, то тут ему принадлежит безусловное первенство.

В статье в качестве главной цели ставится задача раскрыть основные достижения Е. Гайдара как экономиста-историка в контексте развития мировой экономической мысли.

В первой части подчеркивается, что отказ от неоклассических принципов в качестве метода исследований исторических изменений был признан не только Д. Нортон, но и Е. Гайдаром, который никогда не обращался к бесполезным для их понимания формальным инструментам. Выделяется тот факт, что он строил свой анализ на двух ключевых понятиях НИЭИ — адаптивной эффективности и так называемом эффекте колеи. Именно они помогли ему вскрыть природу появления и последующего упадка ряда институтов и общественных систем. Во второй части статьи раскрывается подход Е. Гайдара к институционально-экономической истории России. Представляются многочисленные подтверждения того, что, ставя Россию между Востоком и Западом, он все-таки преимущественно относил ее к азиатскому способу производства. Интерес представляет как видение им этой модели общественных отношений в российском варианте, так и формулировка выбора, перед которым оказалась Россия в последние годы.

Е. Гайдар указывал на принципиальное расхождение между цивилизационными устоями России и западного мира. Однако это не мешало ему надеяться на прогресс России, ее продвижение в сторону свободного общества.

¹ Эл. адрес: zao-and@yandex.ru

² Научная статья создана на средства гранта, полученного от Фонда Егора Гайдара.

От неоклассических догм — к новой экономической парадигме исторического процесса

В настоящее время одной из широко обсуждаемых тем является проблематика становления новой экономической парадигмы для объяснения исторических изменений. Это направление дискуссии связано прежде всего с последними работами Д. Норта и его соавторов (Норт, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст, 2012). Они, по собственному признанию, выдвинули новую исследовательскую задачу для общественных наук (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 416). Главная сложность состоит в том, что для исследования исторических изменений не нашлось адекватной парадигмы, не говоря уже об инструментах.

«Экономическая парадигма — неоклассическая теория — создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся. Попытка разобраться в экономических, политических и социальных изменениях (при том что невозможно изучать изменения в одной из этих сфер в отрыве от прочих) требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли» (Норт, 2010, с. 7).

Фундаментальная перестройка образа мышления, как видно из вышеприведенного отрывка, несовместима с опорой на неоклассическую концепцию (фундамент современного экономического мейнстрима), которой Д. Норт отводит ограниченную роль. Она дает понимание работы рынков в развитых экономиках, но в ее задачи не входит объяснение эволюции рынков и экономики вообще. Он отмечал три принципиально присущих неоклассической теории недостатка: во-первых, эта теория исходит из нулевых транзакционных издержек («беспрепятственности»), во-вторых, статична (не включает фактор времени) и, в-третьих, не зависит от человеческой интенциональности (Норт, 2010, с. 102). В то время как «действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность игроков» (Норт, 2010, с. 103).

В итоге Д. Норт «ставит крест» на неоклассике, объявляя ее окончательно непригодной для изучения развития.

«Экономисты цепляются за теоретические построения, созданные применительно к развитым экономикам родом из XIX века, основные проблемы которых связаны с распределением ресурсов. Эта теория, которую экономисты настойчиво пытаются применять к фундаментальным проблемам развития, просто не годится для решения вопросов, поставленных в настоящем исследовании» (Норт, 2010, с. 241).

Какие же вопросы ставит Д. Норт в книге «Понимание экономических изменений», да и в последующих работах? «Задача состоит в том, — писал он со своими соавторами, — чтобы объяснить, как устойчивые и предсказуемые общественные институты справляются с постоянно меняющимся, непредсказуемым и новым миром, формируемом в контексте и под воздействием динамических сил социальных изменений» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 34). Ясно, что неоклассический «кубик Рубика» с его центральной задачей в виде оптимального (Парето-эффективного) размещения наличных ресурсов между альтернативными целями для решения этой задачи подходит также, как рельсоукладчик для стрижки газонов.

Сопоставление последних работ Д. Норта с его соавторами, с одной стороны, и Е. Гайдара — с другой, невольно наталкивает на мысль, что в России был эко-

номист, который шел тем же курсом, что и лидеры новой институциональной экономической истории¹. Это утверждение — отнюдь не преувеличение; оно подкрепляется многими фактами.

Прежде всего, Е. Гайдара, так же как и Д. Норта, интересовала динамика исторических изменений на протяжении всей человеческой истории. Для того чтобы убедиться в этом, не нужно много слов. Достаточно заглянуть в содержание его главного труда — «Долгое время» (2005). Исторические изменения — главный предмет и таких работ Е. Гайдара, как «Государство и эволюция» (2004), «Гибель империи» (2006) и «Смуты и институты» (2009).

Что привело Е. Гайдара к взгляду на мир как изменяющуюся во времени динамичную систему? По всей видимости, то же, что и Д. Норта, — марксизм². Сам Е. Гайдар написал о нем достаточно много (Гайдар, Мау, 2004 (а), с. 4—27; Гайдар, Мау, 2004 (б), с. 28—56; Гайдар, 2005, с. 47—80).

В чем же Е. Гайдар видит главную заслугу Карла Маркса как исследователя общества? В том, что «он выделил характерные для современного ему экономического роста изменения в производстве и социальной структуре, указал на динамичный характер общественной эволюции; продемонстрировал, что социально-экономическая структура не остается неизменной, находится в постоянном развитии» (Гайдар, Мау, 2004 (б), с. 51). Признавая, что К. Маркс создал теорию экономической истории (Гайдар, Мау, 2004 (а), с. 6), Е. Гайдар ссылается на Д. Норта (Гайдар, Мау, 2004 (б), с. 34) и Й. Шумпетера (Гайдар, Мау, 2004 (а), с. 6), которые примерно в таком же ракурсе видят сильную сторону марксистского учения. Правда, нельзя забывать, что вся динамика у К. Маркса заканчивается «по достижении» социализма³, но Е. Гайдар отвергал социалистическую сторону марксистской теории. К. Маркс для него заканчивался там, где начинался социализм.

Д. Норт выделяет неэргодичность (неповторяемость, нерегулярность) исторического процесса⁴. И, напротив, для него «эргодическая гипотеза является а-исторической» (Норт, 2010, с. 36). «Однако теории, которые находятся на вооружении общественных наук, опираются на представления об эргодичном, повторяющемся, предсказуемом мире, в котором люди ищут разные решения для одних и тех же проблем» (Норт, Уоллис, Вайнгафт, 2011, с. 416).

На гипотезе эргодичности и строится вся неоклассическая доктрина, превращающая экономику в разновидность прикладной математики или в нечто подобное физике. Кстати, Д. Норт приводит ряд высказываний столпов неоклассики (в частности, создателя самой известной модели экономического роста Роберта Солоу), которые прямо указывают на аналогию экономической теории и физики в качестве критерия научной состоятельности первой (Норт, 2010, с. 36).

¹ С учетом последней попытки Д. Норта и его соавторов создать некую синтетическую науку общественных изменений правомерно поддержать точку зрения Н. Дроздовой о том, что имеет место появление новейшей институциональной экономической истории или, более широко, новых институциональных социальных наук (Дроздова, 2010, с. 263—264).

² Увлечение Д. Норта учением Карла Маркса в юношеские годы не прошло для него даром. «Норт признавался, — пишет в предисловии к русскому изданию “Насилия и социальных порядков” Д. Расков, — что всю жизнь отвечал на вопросы Маркса о причине социальных изменений. Более широкий политэкономический взгляд на многие вопросы — тоже в известной степени наследие Маркса» (Расков, 2011, с. 12).

³ На этот факт обратили внимание представители австрийской экономической школы. Хесус Уэрта де Сото пишет, что «его (Маркса — А. З.) идеальная модель общества, в конце концов, сводится к модели равновесия...» (Уэрта де Сото, 2008, с. 242).

⁴ «Эргодическая экономика — это экономика, в которой фундаментальная структура является постоянной, неизменной во времени. Однако мир, в котором мы живем, является неэргодическим — это мир постоянно возникающих новых изменений» (Норт, 2010, с. 32).

Он же принципиально против превращения экономики в некое подобие естественных наук.

«Естественные науки используют редукцию для того, чтобы прийти к фундаментальным принципам, которые (вероятно) делают эти науки эргодическими. Социальные науки не имеют таких фундаментальных принципов, за исключением, возможно, бихевиоральной предпосылки, и даже эта последняя вряд ли является удовлетворительной, как показывают исследования в когнитивной науке» (Норт, 2010, с. 36—37).

В этой связи Д. Норт и его соавторы в своих последних работах ни разу не пользовались ни математическим моделированием, ни эконометрическим анализом¹. Аналогично поступал и Е. Гайдар. При всех возможностях насытить такую свою работу, как «Долгое время», математическими и эконометрическими выкладками он, по всей видимости, сознательно не стал это делать из-за схожего с Д. Нортом восприятия исторического процесса.

Неэргодичность означает принципиальную непредсказуемость исторических событий. Собственно говоря, это одно и то же. Если отсутствует регулярность, повторяемость (исторические законы), то предвидеть будущее затруднительно. «Наши способности в смысле предвидения весьма ограничены, вследствие чего грядущие перспективы человечества остаются неопределенными» (Норт, 2010, с. 238).

Е. Гайдар, конечно, не высказывался в пользу непредсказуемости столь однозначно. Однако его точку зрения по этому вопросу, с некоторыми оговорками, можно считать близкой к вышеприведенной. Во-первых, он писал об ошибке и Й. Шумпетера, и К. Маркса, которая заключалась в том, что они экстраполировали на будущее тенденции, которые в течение десятилетий определяли развитие стран-лидеров (Гайдар, 2005, с. 67). В целом, Гайдар подчеркивал опасности подобной экстраполяции во всех случаях: «Историческая практика показала, насколько динамичен и нестационарен современный экономический рост, как опасно прогнозировать грядущие экономические и политические события и процессы в странах-лидерах» (Гайдар, 2005, с. 79).

Во-вторых, им отмечалась несостоятельность промышленной политики в условиях постиндустриального типа экономического роста, ибо здесь неопределенность будущего возрастает. «Важнейшие тенденции развития производства становятся непредсказуемыми» (Гайдар, 2005, с. 70).

В-третьих, в том же «Долгом времени» много говорилось о непредвиденных последствиях социальной политики (пенсий, пособий по безработице и т. п.).

Наконец, в работе «Смута и институты» он указывал, что наступление революционных событий является труднопредсказуемым. «Революцию редко удавалось предсказывать. Это катаклизм, который наступал неожиданно для его участников — как правящего режима, так и тех, кто приходил ему на смену» (Гайдар, 2009, с. 30).

Е. Гайдар с большим оптимизмом смотрел в будущее, чем Д. Норт и его соавторы. Несмотря на то что он признал возможность наличия разных производственных отношений на основе одинакового уровня развития производительных сил (вопреки К. Марксу)², он выражал оптимизм там, где речь идет о переходе

¹ «Мы не предлагаем формальной модели, которая делала бы возможной эксплицитную эмпирическую проверку или детерминистские предсказания социальных изменений» (Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011, с. 34). И еще: «Мы не предпринимали никаких попыток статистического анализа, так как никаких прямых способов измерения наших основных понятий не существует» (Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011, с. 435).

² «Вопреки представлениям Маркса и его последователей на одном и том же уровне развития производительных сил исторически долгое время могут сосуществовать радикально отличающиеся друг от друга системы экономических и социальных институтов» (Гайдар, Мау, 2004 (6), с. 53—54).

к демократии¹. Приведенная выше цитата говорит о том, что марксистская каузальная связка «базис — надстройка» для него все-таки сохраняет силу.

В итоге Е. Гайдар корректирует К. Маркса следующим образом: «Более развитая страна своим опытом, своим примером демонстрирует менее развитой не будущее последней, а общие направления вероятных перемен» (Гайдар, 2005, с. 124).

В исследованиях мировой истории подход Е. Гайдара строится на тех же двух ключевых понятиях НИЭИ, что и у Д. Норта. Поэтому есть смысл сначала перейти к их анализу как таковых, а потом обратиться к примерам их использования.

Первым из двух ключевых понятий НИЭИ следует считать адаптивную эффективность. Она не имеет ничего общего с привычной для экономического мейнстрима статической эффективностью (Парето-эффективностью). Понятие «адаптивная эффективность» ввел Д. Норт в целях сравнительного анализа динамики экономик в историческом времени. Он определяет ее следующим образом: «То, что я называю адаптивной эффективностью, представляет собой непрерывное состояние, при котором общество продолжает изменять старые или создавать новые институты с появлением очередных проблем» (Норт, 2010, с. 242). При этом он замечает, что «сопутствующим требованием является наличие такого государственного устройства и экономики, которые были бы готовы к непрерывным испытаниям перед лицом хронической неопределенности и устраняли бы те институциональные адаптации, которые неспособны справиться с новыми проблемами» (Норт, 2010, с. 242).

В работах Е. Гайдара, как и в трудах Д. Норта, нет и намек на обращение к такой «священной корове» неоклассики, как Парето-эффективность. Это может быть косвенным подтверждением того, что он не признавал продуктивным применение в исследованиях исторической динамики традиционных для экономического мейнстрима представлений об эффективности и равновесии².

Вторым ключевым понятием НИЭИ является «эффект колеи» (зависимость от предшествующего развития), который «означает лишь то, что возможности выбора в настоящем ограничены наследием институтов, накопленным в прошлом» (Норт, 2010, с. 83). И далее уточняется: «Более ясное понимание термина связано с признанием того, что накопленные институты привели к созданию организаций, выживание которых зависит от сохранности этих институтов и, которые, соответственно, будут вкладывать ресурсы в то, чтобы предотвратить какие-либо изменения, угрожающие их выживанию» (Норт, 2010, с. 83).

Во всех своих работах, рассматривающих исторический процесс, Е. Гайдар последовательно придерживается характерной для Д. Норта трактовки эффективности как адаптивной и уделяет особое внимание «эффекту колеи» (хотя этим термином и не пользуется). В то же время эти понятия в его трудах реаль-

¹ «Глобальный характер обмена информацией, быстрые, масштабные социально-экономические изменения, современный характер общества не дают шансов на сохранение устойчивых недемократических режимов» (Гайдар, 2005, с. 644). В то время как Д. Норт и его соавторы не один раз подчеркивают, что «динамика социального порядка — это динамика социальных изменений, а не динамика прогресса» (Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011, с. 55). Прогресс же, понимаемый ими как переход к порядку открытого доступа (развитым демократиям, правовым государствам), ничем не гарантирован. Более того, этот порядок способен нарушить мир, если его внедряют в не созревшую для него среду.

² Лидером неоклассических построений в интерпретации истории и развития является, несомненно, Дарон Асемоглу. В своей программной статье «Теория, общее равновесие и политическая экономия в экономике развития» он активно ратует за анализ проблем развития на базе модели общего равновесия (Acemoglu, 2010). Критика понимания истории как переходов из одного равновесного состояния в другое (на примере подхода автора концепции QWERTY-эффекта П. Дэвида) и принципиальное отличие от такой интерпретации истории позиции Д. Норта, основанной на адаптивной эффективности, представлена Р. Капелюшниковым (Капелюшников, 2006, с. 223—225).

но постоянно присутствуют и, насыщаясь конкретным историческим материалом, обретают дополнительный смысл.

Начнем с адаптивной эффективности. «В условиях современного экономического роста адаптивный потенциал общества, гибкие механизмы, позволяющие приспосабливаться к новым вызовам и социальным условиям, предпосылка сочетания стабильности и развития» (Гайдар, 2005, с. 626). Согласно Е. Гайдару, адаптация означает прежде всего адаптацию к «современному экономическому росту». Не случайно применительно к России подчеркивается, что ее трудности «тесно связаны с адаптацией к процессу глобальной трансформации социально-экономических и политических структур, получившему название “современный экономический рост”, который начался в XIX в.» (Гайдар, 2005, с. 10).

Для Е. Гайдара очевидна связь адаптивной эффективности с адаптивной способностью институтов. Если же выводящие на путь современного роста институты отсутствуют, то задача заключается в том, чтобы их создать. В этом случае решающее значение приобретает позиция элит: насколько они окажутся способными переступить через традиции и пойти по пути созидания новой институциональной среды. В качестве положительного решения элит приводится пример Японии. «Японские власти сумели осознать, что экономический подъем Запада связан не только с современной техникой, он основывается на принятии свободного рынка, частного права» (Гайдар, 2005, с. 101).

Тем не менее такое отношение элит к необходимым для современного экономического роста институтам не отменяет того факта, что многие из этих институтов, служившие ему ранее, со временем устаревают и становятся его тормозом, накопленным балластом, сдерживающим прогресс. «Созданные для обеспечения догоняющего развития национальные институты инерционны. В изменившихся условиях они могут препятствовать адаптации к следующему этапу экономического развития страны, решению проблем, характерных для постиндустриальной эпохи» (Гайдар, 2005, с. 105).

По существу, здесь представлена цельная концепция жизненного цикла института. Появляясь на свет как исторически оправданный, способствующий решению тех или иных проблем, он, по истечении известного времени, ограничивает или даже исключает выбор варианта, обеспечивающего благоприятную для дальнейшего развития среду. Такая интерпретация позволяет избежать ригидных суждений, сразу, вне исторического контекста, объявляющих тот или иной институт прогрессивным или, напротив, тупиковым.

В работе «Государство и эволюция» Е. Гайдар рассуждает о смысле «мутации», которую претерпел классический капитализм в первой половине XX в., когда превратился в социальный капитализм. Он приходит к выводу, что в результате «удалось спасти западное общество, сохранив его неизменным в важнейших, системообразующих аспектах: легитимная частная собственность, рынок, разделение собственности и власти; удалось сохранить традиции, не рассеять их скальпелем лево-правого экстремизма» (Гайдар, 2009, 210). Точка зрения, конечно, спорная.

Однако далее автор не может не увидеть негативные последствия такой «мутации». Он указывает на блокировку экономического роста, бюджетный кризис, рост инфляции, сокращение частных и низкую эффективность государственных инвестиций, бегство капитала (Гайдар, 2009, с. 211). В работе «Долгое время» перечисляются институты социального государства и говорится, что они «на десятилетия вперед задают уровень финансовых обязательств, закрепленных законом и политическими реалиями» (Гайдар, 2005, с. 485).

Е. Гайдар исходит из того, что институты меняют со временем поведение людей: они массово выбирают оппортунистическое поведение, если оно приносит выгоды. В этом факте кроется причина «непреднамеренных последствий» мно-

гих социальных начинаний. Он признает, что либералы XIX в. были во многом правы. «Трудовое поведение людей, которые получают легкодоступную и щедрую социальную помощь, пусть медленно, на протяжении поколений, но меняется» (Гайдар, 2005, 507). Так, ни те, кто разрабатывал системы пособий по безработице, ни те, кто пользовался ими в первые годы после Великой депрессии «не могли себе представить, что появятся большие группы населения, которые предпочтут жизнь на пособие поиску работы» (Гайдар, 2005, с. 508).

В анализе пенсионных систем отмечаются все те же самые «непреднамеренные последствия» и влияние их как институтов на изменение моделей человеческого поведения. Пенсионная система «сама становится фактором, уменьшающим занятость в пенсионном возрасте» (Гайдар, 2005, с. 516). Сложившаяся в развитых странах пенсионная система рассматривается как результат упущенного 70 лет назад шанса безболезненного создания накопительной системы и предстающая ныне в качестве негативного «эффекта колеи».

Фактически, выделив самое слабое звено развитых рыночных демократий, государство всеобщего благосостояния, Е. Гайдар поставил под вопрос их будущую адаптивную эффективность. Кризис зоны евро, тонущей под тяжестью бюджетных расходов, и судорожные попытки европейских лидеров освободиться от части социальных обязательств — самое яркое на сегодняшний день проявление низкой адаптивной способности социального порядка ряда развитых стран (или тех, кто, подобно Греции, был к ним незаслуженно причислен).

Главное достижение Е. Гайдара в области применения теории адаптивной эффективности заключается в важной коррекции концепции «преимущества отсталости» А. Гершенкрона (Gershenkron, 1962). Он сам указал на произведенную им ее модификацию, отметив, что в XXI в. данное преимущество проявляет себя как потенциал ранней адаптации социально-экономических установлений к условиям постиндустриального общества¹. И то, в какой степени страны догоняющего развития сумеют этим потенциалом воспользоваться, определит их место в середине XXI в. (Гайдар, 2005, с. 646).

В работе «Долгое время» выделены две группы постсоциалистических стран: во-первых, те, что двигались в ЕС, и, во-вторых, те, что решали свои проблемы самостоятельно. Первым европейская ориентация позволила довольно успешно преодолеть проблемы переходного периода, импортировать политическую и социальную стабильность, но в долгосрочной перспективе сократила свободу маневра в выработке национальной стратегии развития². Вторые, лишенные перспектив вступления в ЕС, столкнулись с куда более серьезными переходными проблемами, но зато получили свободу маневра. Правда, не было никаких гарантий, что они ею разумно распорядятся (Гайдар, 2005, с. 493–496).

Итак, Е. Гайдар поставил будущие успехи постсоциалистических стран в зависимость от способности распорядиться потенциалом ранней институциональной адаптации, не повторяя ошибок «старших». В качестве главного ограничения этой способности для восточноевропейских стран он указал на ригидность импортируемых институтов (того же государства всеобщего благосостояния), ограничивающих свободу маневра. У стран, не идущих в ЕС, эту свободу никто извне не ограничивает, но поэтому они сталкиваются с другой опасностью, оказаться в ловушке авторитаризма («закрытой демократии»).

¹ Под потенциалом ранней адаптации социально-экономических установлений (т. е. институтов и организаций) имеется в виду тот факт, что догоняющая страна в принципе располагает возможностями «заимствовать» лишь лучшие институты у развитых стран, не копируя при этом те из них, которые на сегодняшний день тормозят рост.

² «Импортируя стабильность европейских институтов, восточноевропейские страны импортируют и их ригидность» (Гайдар, 2005, с. 638).

Между Востоком и Западом

Е. Гайдар в совместной с А. Чубайсом книге «Развилки новейшей истории России» указал на следующую стоящую перед ней альтернативу: «...Или ужесточение политического контроля, репрессий против несогласных, контроль за малотиражными СМИ, или постепенная демократизация режима, восстановление системы сдержек и противовесов во власти, свобода прессы, реальный федерализм» (Гайдар, Чубайс, 2011, с. 165). В этой связи есть смысл обратиться к дальнейшему исследованию научного творчества самого Е. Гайдара, и в первую очередь к книге «Государство и эволюция», в которой дан превосходный институциональный анализ российской истории.

В существующих работах по НИЭИ досоветской России отводится совсем немного места. Большого внимания удостоился СССР, однако понять его природу невозможно без рассмотрения основополагающих особенностей российской цивилизации. Примером может служить интерпретация советского строя известными представителями виргинской политической экономии как более позднего аналога западного меркантилизма¹. Очевидно стремление западных авторов найти в непонятном явлении подобие чего-то им знакомого и хорошо изученного, но вряд ли этот подход раскроет реальность.

Нельзя, конечно, не признать глубину анализа М. Олсона, когда он описывает главные несущие конструкции сталинской системы или же раскрывает механизм последующего упадка социализма (Olson, 2000, с. 111—154). В то же время и он не ставит вопроса о происхождении социализма, не берется за поиск его корней в российской истории. С еще большим основанием это же можно сказать и про нортовское описание взлета и падения Советского Союза (Норт, 2010, с. 209—222). Обращение к историческим истокам не характерно и для такого известного исследователя социализма как Янош Корнай². Специалист по экономической истории Пол Грегори также никак не связывает сталинский социализм с укорененностью его прототипов в российском прошлом (Грегори, 2006). При чтении этих работ создается впечатление, что социализм берется из ниоткуда и исчезает без следа.

Самые бескомпромиссные и последовательные критики социализма в лице лучших представителей австрийской экономической школы исходили из того, что те или иные общественные состояния есть продукт мира идей, превратившихся в господствующее общественное мнение. Например, в полемике с британским историком А. Тойнби Л. фон Мизес утверждал: «В “теле” цивилизации невозможно обнаружить никаких сил, которые не были бы результатом их специфических идеологий» (Мизес, 2007, с. 202). Отсюда вытекает то решающее значение, которое он придавал целенаправленному формированию «антикапиталистической ментальности» в рождении всех видов социализма.

¹ «Советская экономика была современной версией меркантилистских экономик, типичных для Европы XVI и XVII столетий. Подобно этим предшествующим инкарнациям, советская экономика представляла рынок, сильно ограниченный гарантированными государством монополиями» (Anderson, Voettke, 1997, p. 50).

² В своей фундаментальной работе «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма» он перечисляет некоторые основные свойства, общие для социально-политико-экономических систем, предшествовавших социализму. И далее ограничивается следующей фразой: «Унаследованная отсталость и другие свойства исходного состояния оставили глубокий след на формах социализма, укоренившихся в Советском Союзе, Китае и других странах, вставших на социалистический путь развития в основном в результате действия внутренних сил» (Корнай, 2000, с. 52). Но ведь проблема как раз и заключается в том, чтобы объяснить появление социализма «свойствами исходного состояния». Слова же об «унаследованной отсталости» вообще ничего не проясняют, поскольку, во-первых, отсталость наблюдалась не только в этих странах, а, во-вторых, само понятие «отсталость» требует конкретизации.

В этом же духе рассуждает и современный приверженец австрийской школы — Х. Уэрта де Сото. С одной стороны, он признает, что «иногда происхождение институциональной атаки социализма на человеческую деятельность может восходить к традиции или истории, как, например, в некоторых докапиталистических обществах с кастовой системой» (Уэрта де Сото, 2008, с. 99). Однако социализм как современный феномен он рассматривает как институциональные ограничения и вмешательство в свободную человеческую деятельность, вытекающие из *сознательного* желания улучшить процесс социальной координации или достичь определенных целей (Уэрта де Сото, 2008, с. 99).

Австрийская школа, правомерно подчеркивая важнейшую роль идей и общественного мнения, все-таки, на наш взгляд, уходит от ответа на вопрос: почему одни и те же идеи воплощаются в жизнь в одном обществе и остаются нереализованными в другом? В поисках решения этой загадки прежде всего обратим внимание на то, что идеи, как долгоживущий и медленно меняющийся феномен¹, играют решающую роль в том, что современная институциональная теория называет «эффектом колеи» (*path dependency*). Д. Норт определяет «эффект колеи» и как «способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения...» (Норт, 2010, с. 39)².

Далее необходимо найти ту исходную точку, где произошел идейный раскол: когда и как принципиально разошлись доминирующие над общественным поведением ментальные модели. Так, например, Д. Лал обратился к давним различиям космологических представлений Востока и Запада и очень четко сформулировал главное несходство между греческой и латинской ветвями христианства: «Если папская революция латинской церкви стремилась отдать и Богово, и кесарево Богу, то ее греческая сестра согласилась с тем, чтобы предоставить и кесарево, и Богово кесарю» (Лал, 2007, с. 117—118). Историки именуют эту установку восточного христианства «цезарепапизмом».

Однако надо признать, что российские исследователи достигли большего, чем западные, если речь идет об интерпретации исторического пути России и вытекающих из него особенностей дня сегодняшнего³. И одним из первых здесь был Е. Гайдар⁴.

Начинает он с двух полярных цивилизаций. В основу их поляризации положены отношения власти и собственности — разделение власти и собственности в Западной цивилизации и их слияние в Восточной. В своих построениях автор «Государства и эволюции» опирался на работы российского историка и востоковеда Л. Васильева, сформулировавшего ряд ключевых положений (о феномене

¹ Это признавал и Л. фон Мизес: «Экономисты всегда отдавали себе отчет в том, что эволюция идей — медленный, требующий много времени процесс» (Мизес, 2007, с. 194).

² При этом он, как и Л. фон Мизес, подчеркивает, что именно идея «являются фундаментальной движущей силой человеческого состояния» (Норт, 2010, с. 34).

³ В частности, это очень заметно, когда речь идет о влиянии культуры на состояние общества и его историческую динамику, модернизацию. Например, Р. Инглхарт и К. Вельцель просто фиксируют наличие ряда российских парадоксов: очень высокое место секулярно-рациональных ценностей, свойственных для развитых рыночных экономик, и, одновременно, едва ли не самое низкое место в мире среди обследованных стран по значимости ценностей самовыражения; наименьший уровень поддержки демократии, уступающий даже Пакистану (Инглхарт, Вельцель, 2011, 91, с. 381). В то же время некоторые российские авторы (А. Пелипенко, А. Давыдов, И. Клямкин, И. Яковенко), на наш взгляд, дают довольно убедительные, хотя и различающиеся между собой, объяснения этим парадоксам, обращаясь к культурно-историческому генотипу России (Куда ведет кризис культуры?, 2011).

⁴ В этой связи следует напомнить, что его книга «Государство и эволюция» впервые была опубликована в 1994 г., за пять лет до появления книги американского историка Р. Пайпса «Собственность и свобода» (Пайпс, 2001), где он систематизировал свои взгляды (во многом схожие с точкой зрения Е. Гайдара) на природу русской цивилизации.

«власти-собственности», династических циклах и пр.). Для него особое значение в творчестве Л. Васильева, по всей видимости, имело, во-первых, совершенно однозначное отнесение им реального социализма к цивилизациям восточного типа¹; во-вторых, причисление к тому же типу и дореволюционной России, несмотря на ее известную близость к Европе².

«Запад» — это частно-правовое общество. Власть и собственность разделены, собственность обладает независимой от власти легитимностью в качестве важнейшего института. Что же тогда есть «Восток», восточная деспотия? Там собственность происходит от власти, есть атрибут власти. Власть первична по отношению к собственности, а собственность производна от власти. «Собственность есть вечная добыча власти» (Гайдар, 2009, с. 190).

Важным вкладом Е. Гайдара в институциональную экономическую историю стало описание этапов династических циклов, через рассмотрение изменений отношений в системе «власть — собственность». Первый этап — становление и подчинение — это формирование централизованного порядка, его экспансия на основе отношений «власть — собственность». Можно сказать, рождение империи, становление династии.

Второй этап — уже укрепившаяся династия, стабилизировавшаяся империя. Она производит интенсификацию эксплуатации. Имперская бюрократия начинает и далее ускоряет конвертацию власти в личное богатство и потребление.

В результате развития этого процесса второй этап цикла перерастает в третий этап — истощение, а потом и крах. Согласно Е. Гайдару, здесь приватизация государства подрывает его финансовую базу, сокращаются возможности принуждения, растет неповиновение. Он пишет: «Истощенное государственным чиновниками государство в конце концов рушится» (Гайдар, 2009, с. 193). Государственные чиновники, как червь яблоко, «изъедают» государство изнутри, остается оболочка, которая достается либо внешним врагам, либо происходят внутренние перевороты и цикл возобновляется.

Восточный цикл — это тупиковое явление. В период укрепления империи предприниматель находится под прессом бюрократии, сталкивается с постоянным риском конфискации: поскольку собственность есть атрибут власти, то «получив власть, спешат захватить эквивалентную чину собственность» (Гайдар, 2009, с. 191)³. В результате отсутствуют действенные стимулы для созидательной экономической деятельности.

Во времена же распада империи предприниматель страдает от хаоса, разбоя, отсутствия каких-то, пусть даже самых минимальных гарантий. «В период своей мощи восточная деспотия опасна, а при ослаблении невыносима» (Гайдар, 2009, с. 193). Историческое движение восточных цивилизаций протекает между очень плохим и ужасным.

¹ Впервые Л. Васильев смог открыто сформулировать это положение в 1990 г.: «То, что ныне обычно именуют командно-административной системой и что на деле генетически восходит к классическому государственному («азиатскому») способу производства...» (Васильев, 1990, с. 26). Впоследствии он высказывался по этому предмету более определенно: «Марксистский коммунизм с его командно-административно-редистрибутивной системой — копия традиционного Востока. Новая и сильно модифицированная, с развитой индустрией (особенно военной) и наукой, специфической идеологией и политической мощью, но все же именно копия» (Васильев, 2000, с. 108).

² «Можно сказать, что из всего неевропейского мира Россия в силу ряда причин была наиболее европейским обществом. Оттого и казалось, что еще немного — и она станет вровень с Европой. Однако это “немногое” было на деле достаточно многим, ибо корнями уходило в восточного типа азиатско-государственную структуру» (Васильев, 1990, с. 16).

³ «Весь смысл восточной чиновничьей приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности при доминировании первой, насытить непомерные аппетиты носителей власти» (Гайдар, 2009, с. 192).

В работе «Смуты и институты» выдвинута оригинальная гипотеза, разграничивающая смуту и революцию. Смута — это граница между двумя династическими циклами. Она характеризуется радикальной деинституционализацией. Отсюда и мечты о восстановлении старого порядка. «Люди забывают, как ненавидели сборщиков налогов, завидовали привилегиям вышестоящих сословий. Они помнят лишь о том, что раньше был порядок» (Гайдар, 2009, с. 24).

Смута, согласно Е. Гайдару, — это не революция. Важнейшая характерная черта, которая отличает смуту в аграрных обществах от революции, состоит в том, что она заканчивается восстановлением традиционных институтов, а в ходе революции укореняются новые, изменяются основы общественного устройства. Смуты так или иначе, но возрождают старое традиционное общество на новом витке, а революции заканчиваются радикальным общественным переустройством (Гайдар, 2009, с. 36)¹.

В процессе анализа смут им была поставлена проблема краха институтов, причем он отмечал, что это новое, нестандартное поле исследования: «...Бросается в глаза почти полное отсутствие у последователей институциональной школы серьезных работ, посвященных не эволюции институтов, а их краху в период смут и революций» (Гайдар, 2009, с. 7). Удалось ли ему заполнить этот вакуум?

Для начала им был выделен «ключевой институт — монополия государства на применение насилия» (Гайдар, 2009, с. 39). Было показано, что крах этого института — источник краха всех прочих институтов, включая право собственности: «при безвластии понятие собственности теряет смысл» (Гайдар, 2009, с. 69).

Понятие «насилие» неоднократно фигурировало у Е. Гайдара в связи с рассмотрением различных аспектов социальных потрясений. Если таковые проявляют себя как смута, то насилие «выскальзывает» из рук государства, монополия на него утрачивается и его бесконтрольность оборачивается кошмаром для общества. «Смута — социальная болезнь, сопоставимая по последствиям с голодом, крупномасштабными эпидемиями, войнами» (Гайдар, 2009, с. 13).

Казалось бы, насилие — это не та сторона человеческих отношений, на которой должен сосредоточивать свое внимание экономист. Однако если мы обратимся к Д. Норту и его соавторам, то убедимся, что Е. Гайдар практически одновременно с ними увидел решающее значение изучения насилия, когда экономист обращается к описанию исторического процесса².

¹ Справедливости ради надо сказать, что в России приоритет в экономическом исследовании революций принадлежит В. Мау и И. Стародубровской (Стародубровская, Мау, 2004; Мау, 2000). В одной из последних своих работ В. Мау определяет революцию как системную трансформацию в условиях коллапса государства (Мау, 2010, с. 10).

Что же касается Е. Гайдара, то его деление на «смуты» и «революции» требует дополнительных пояснений и исторических иллюстраций. Незадолго до кончины, в своей последней лекции (цикл публичных лекций на интернет-портале polit.ru) он заявил: «Для меня революция — это подтип смут. Смута — это всегда крах институтов прошлого режима» (Лекция Егора Гайдара, 10.12.2009). И далее продолжал: «...Общепринятого определения смуты, как и общепринятого определения революции не существует. Поэтому мы употребляем эти слова достаточно условно» (Лекция Егора Гайдара, 10.12.2009).

Однако если все-таки следовать логике «Смут и институтов», то весь вопрос в том, что считать «радикальным общественным переустройством», а что — «возрождением старого традиционного общества на новом витке». Из дальнейших рассуждений Е. Гайдара о России после 1917 г. можно заключить, что события 1917—1921 гг. он относит скорее к смуте, чем к революции. В то же время поворот России к рыночной экономике в результате событий на рубеже 1980—1990-х гг. однозначно определяется как революция (Гайдар, 2005, с. 365).

² «Основной проблемой нашего исследования, — пишут Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вейнгаст, — является *организованное насилие*; использование насилия или угроз применения насилия» (Норт, Уоллис, Вейнгаст, 2011, с. 57).

В «Смутах и институтах» говорится, что Россия в XX в. переживала два периода радикальной деинституционализации: в 1917—1921 гг. и на рубеже конца 1980-х — начала 1990-х гг. (Гайдар, 2009, с. 15). В то же время вакуум государственных институтов не означал институциональную пустоту вообще. Институты рынка работали лучше, чем продразверстка или карточная системы. «Не умереть с голоду позволяло мешочничество — поездки горожан в деревню для обмена вещей на продовольствие» (Гайдар, 2009, с. 91). Еще более заметным было рыночное заполнение распавшихся государственных институтов в период второй деинституционализации.

С чем же связан тот факт, что первая деинституционализация сопровождалась гражданской войной, а вторая прошла на удивление мирно? И здесь Е. Гайдар, на наш взгляд, верно схватывает суть вещей. Подобно Л. фон Мизесу, он уделяет первостепенное значение доминирующим представлениям («духу времени»), хотя в целом, как известно, придерживается материалистической трактовки исторических изменений (Гайдар, Мау, 2004, с. 34—35; Гайдар, 2005, с. 76—78). В 1917 г. доминировало представление, что усиление государственного влияния на экономическую жизнь — благо, тогда как осенью 1991 г. убежденность в благотворности государственного регулирования и в способности государственных органов эффективно решать встающие перед страной проблемы было подорвано (Гайдар, 2009, с. 133—134). В первом случае ответом на продовольственный кризис явилось тотальное насилие в форме продразверстки и запрета частной торговли; во втором, напротив, — либерализация экономических отношений и провозглашение свободы торговли.

В то же время, как бы ни был важен разворот России лицом к рынку в начале 1990-х гг., мог ли он «выдернуть» Россию из Восточной цивилизации? Или же он создал лишь временную флуктуацию, принципиально не изменившую ее цивилизационный статус?

У Е. Гайдара есть хорошее изречение о том, что фактически Россия ворвалась в Азию, в Сибирь лишь в XVI в., но Азия ворвалась в Россию, обосновалась в ней на 300 лет раньше. «Если в культурном и идеологическом отношении превалировало влияние Запада, то экономическая и политическая структуры в значительной мере могли быть отнесены к разряду восточных обществ» (Гайдар, 2009, с. 215).

Однако в «Долгом времени» уже ничего не говорится о культурном и идеологическом превалировании влияния Запада. При обращении к исторической судьбе России указывается на развилки, с которыми сталкивалась страны, и соответственно дороги, которые она выбирала.

Во-первых, восточное христианство. «Византийский выбор» привел ее к изоляции от Западной Европы¹.

Во-вторых, монгольское влияние.

«Долгое подчинение Орде, зависимость от нее и взаимодействие с ней во многом определили отрыв России от основных тенденций культурного и институционального развития Европы. Господствовавшие в XV-XVI вв. представления о всевластии российского государя и безграничности его прав, о подданных-холопах носят вполне восточный характер и обнаруживают мало следов европейского институционального наследия домонгольской эпохи» (Гайдар, 2005, с. 269).

¹ «Россия оказалась культурно, религиозно, политически и идеологически отдаленной от того центра инноваций, которым во все большей степени становилась Западная Европа, воспринимает ее и сама воспринимается ею как нечто чуждое, инородное. Следствие — нарастающее ограничение культурного обмена, возможностей заимствования нововведений, подозрительность, изоляционизм» (Гайдар, 2005, с. 264).

Приведенная выше цитата позволяет со всей определенностью утверждать, что Е. Гайдар явно ближе к Р. Пайпсу¹, чем, например, к А. Янову, который в своей трилогии «Россия и Европа. 1462—1921» пытается обосновать, что Россия в 1480—1560 гг. переживала некое «европейское столетие» (Янов, 2008)².

Е. Гайдар писал о России как об обществе, раздавленном государством (прекрасное определение восточной деспотии). Это общество характеризуется тремя чертами. Во-первых, *«имперской ловушкой»*: «Россия попала в плен, в «колонию», в заложники к военно-имперской системе, которая выступала перед коленопреклоненной страной как ее вечный благодетель и спаситель от внешней угрозы, как гарант существования нации» (Гайдар, 2009, с. 217). Данный факт недооценивается многими авторами, пишущими о проблемах России после крушения социализма. Е. Гайдар же, напротив, особо подчеркивает его значение. В том, что Россия отождествляла себя с империей, а Польша воспринимала себя как ее вассал, он видит причину того, почему для России расставание с прошлым столь трудно, а в Польше оно прошло гораздо легче (Гайдар, 2009, с. 174).

Вторая черта, о которой пишет Е. Гайдар, — это *культ государства*. Здесь он замечает, что «само государство выступало как категория духовная, объект тщательно поддерживаемого культа — государственничества» (Гайдар, 2009, с. 217). В таком восприятии автократического государства явно прослеживается сходство с отношением к нему у представителей австрийской экономической школы. Л. фон Мизес даже ввел специальный термин — «государствопоклонство» (Мизес, 1993, с. 62).

Очевидно, что «государствопоклонство» есть не что иное, как идеология оправдания государственного произвола, неограниченного самоуправства бюрократии. В этой связи Е. Гайдар выделяет и третью черту — *государство, подавляющее саморазвитие*. «Саморазвитие государства подавляло саморазвитие страны, уродовало отношения собственности» (Гайдар, 2009, с. 218).

В истории дореволюционной России Е. Гайдар видит такую ее главную беду, как нелегитимность частной собственности. Она не вырастала, а создавалась по милости государства. В этом коренное отличие России от Европы (Гайдар, 2009, с. 225). И здесь снова можно провести параллели с подходом Р. Пайпса, который рассматривает Россию как патримониальное (в русской терминологии — «вотчинное») государство³.

В тех же институтах искал корни тоталитаризма и Е. Гайдар. «...Ленинский «социализм» глубоко лежал в русле русской истории... Он представлял собой развитие одной из линий державной истории. Конечно, в российский организм Лениным был занесен вирус, но и сам организм был готов его воспринять» (Гайдар, 2009, с. 251). Для него социалистическая революция в России — не ворот

¹ «...В условиях татаро-монгольского владычества шел естественный отбор, приводивший к тому, что наибольшая власть доставалась самым деспотичным князьям, теснее всего сотрудничавшим с завоевателями» (Пайпс, 2001, с. 220). «...Русские, безусловно, усвоили политические приемы и понятия монголов, ибо в роли монгольских порученцев они привыкли обращаться со своим народом как с побежденным, как с людьми, лишенными каких бы то ни было прав» (Пайпс, 2001, с. 220).

² Парадоксальность концепции А. Янова более всего проявляется в том факте, что в 1480 г. Иван III разворачивает репрессии против покоренного незадолго до этого Новгорода (Карацуба, Курукин, Соколов, 2006, с. 103). Одной из главных причин покорения Новгорода Москвой было стремление в Европу — под эгиду Польши ради спасения от постоянной московской агрессии. Неплохое начало «европейского столетия»!

³ «В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства, и его собственником» (Пайпс, 1993, с. 11). И тут же он писал: «В отличие от большинства историков, ищущих корни тоталитаризма XX в. в западных идеях, я ищу их в российских институтах» (Пайпс, 1993, с. 10).

к «новой цивилизации», а модификация старой, какой бы глубокой и всесторонней она не была. «Радикальнейшая в истории человечества революция ничуть не поколебала “медного всадника” русской истории. Имперско-государственные идеалы вышли из огня революции только преобразенными и усиленными» (Гайдар, 2009, с. 316).

Что же касается наслоений западной цивилизации в российском обществе, то, естественно, не отрицается их наличие и развитие до катастрофы 1917 г. Однако «Октябрьская революция кровью смыла, штыком соскоблела с карты России тонкий культурно-западный слой» (Гайдар, 2009, с. 251). Таким образом, корневая для России восточная цивилизация, столкнувшись с вызовом чуждой ей западной, в конце концов сумела от нее очиститься. Социализм — высшая (последняя) стадия «азиатского способа производства» (Гайдар, 2009, с. 253)¹.

Историческая эволюция социализма раскрывается через изменение отношений собственности. «Экспроприация частной собственности — государственно-бюрократическая собственность — частно-бюрократическая. Вот формула развития социалистического общества от рождения до гибели» (Гайдар, 2009, с. 260). Далее он описывает «большевистский термидор», когда в процессе эволюции социалистической системы стали вызревать и превалировать не коллективные, а частные интересы представителей номенклатуры.

Почему этот термидор не наступил раньше, когда его предвидел Л. Троцкий, на которого часто ссылается Е. Гайдар? Объяснение этому факту дается им довольно простое и весьма убедительное. До определенного момента номенклатура боялась внутреннего вызова своей безграничной власти. Когда же таковая опасность постепенно сошла на нет, то «инстинкты собственников, желание частной собственности для многих из них (представителей номенклатуры. — А. З.) стали настоящей манией, которую приходилось с трудом подавлять» (Гайдар, 2009, с. 269).

В то же время номенклатура не стремилась к свободному рыночному хозяйству. Она проводила на рубеже 1980—1990-х гг. то, что тогда же было названо «номенклатурной приватизацией». «Номенклатурный пленец проклевывается из твердой скорлупы — там ему тесно, но вне яйца — страшно» (Гайдар, 2009, с. 287). Эта двойственность нашла свое отражение и в идеологическом конфликте. С одной стороны, устаревшая марксистская риторика с ее нападка на частную собственность. С другой стороны, государственничество. Оно наделяло высшим смыслом самодержавную власть государства и его чиновников (Гайдар, 2009, с. 277). Номенклатура была заинтересована в избавлении от марксистских догм, но сохранении государственничества. Зачем?

Государственничество в идеологии закрепляло власть-собственность на практике, но уже теперь не ту, которую Е. Гайдар назвал «государственно-бюрократической», а ту, которую определил как «частно-бюрократическую». С одной стороны, «нужно было, чтобы собственность в стране двигалась не под влиянием рыночных законов, а по-прежнему в магнитном поле власти» (Гайдар, 2009, с. 287). С другой стороны, необходимо было научиться извлекать для себя денежные доходы из тех активов, которые притягивались к тем или иным бюрократам этим «магнитным полем». Номенклатура стремилась «сохранить основу государственно-монополистического капитализма, империализма» (Гайдар, 2009, с. 287).

¹ Эта точка зрения на социализм XX в., представляющая его как откат назад в истории человечества, как, в конечном счете, разрушительную систему, имеет свои истоки в учении австрийской экономической школы Л. фон Мизес писал об этом еще в 1922 г. «На деле социализм ни в малейшей степени не является тем, на что претендует. Это — не открыватель нового и лучшего мира, но грабитель и разрушитель того, что накопили тысячелетия цивилизации» (Мизес, 1994, с. 292).

Золотым периодом такого капитализма Е. Гайдар считал 1988—1991 гг. Он сравнивает его с тем этапом династического цикла в восточной цивилизации, когда чиновники стремятся захватить соответствующую их чину собственность и, как паразиты, высасывают ее изнутри. «Такая приватизация всегда кончалась в восточных обществах одинаково: взрывом и новой диктатурой» (Гайдар, 2009, с. 293). Однако Россия нашла иной выход — открытую приватизацию, которая характеризуется как «поворотное историческое дело, мирный, цивилизованный эквивалент революции» (Гайдар, 2009, с. 295).

В то время Е. Гайдар (напомним, что речь идет о 1994 г.) довольно оптимистично оценивал результаты приватизации. «Приватизация изменила юридические отношения собственности, размыла саму систему номенклатурно-бюрократического “рынка власти”. Произошла приватизация самой номенклатуры» (Гайдар, 2009, с. 301). Он полагал, что «если в течение нескольких лет соблюдается юридический принцип неприкосновенности частной собственности, то он переходит в стереотип поведения, интериоризируется, из юридического принципа превращается в социально-психологический» (Гайдар, 2009, с. 309).

В то же время ему были свойственны серьезные опасения и уже тогда он заметил сильные тенденции к возрождению государственничества, которые в полную меру проявили себя в период президентства В. Путина. Писал о симптомах нового «ледникового» периода. Отмечал перемену в настроениях многих чиновников, которые из «демократов» превратились в «государственников»¹. Подчеркивал настоятельную необходимость «секуляризации государства», отказа от «государственничества» как своего рода религии. Предлагал чисто рациональное, «западное» отношение к государству (Гайдар, 2009, с. 319).

Е. Гайдар очень опасался возвращения к лжегосударственной экономике, когда фактически частные капиталы действуют под видом и на правах государственных, к паразитическому империализму для высшего бюрократического сословия (Гайдар, 2009, с. 321—322). «Сильное» государство в привычном для России смысле, сильно многочисленной и коррумпированной бюрократией. Уже тогда он именовал коррупцию «бюрократическим рэкетом» — явлением, которое расцвело в полной мере только с построением путинской вертикали власти. «Государство самоедское, — писал он о коррумпированной власти, — разрушает общество, подминает его под себя, разрушаясь, в конечном счете, и само» (Гайдар, 2009, с. 326).

Призыв Е. Гаидара звучит сегодня более чем актуально. «Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному: самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название “державность”. Но сущность всегда одна — корыстный, хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией» (Гайдар, 2009, с. 328).

Пророчески сегодня звучат его слова о том, что «если страна войдет в очередной цикл приватизации власти, то закроет себе наглухо путь в “первый мир”» (Гайдар, 2009, с. 328). Им был совершенно определенно обозначен выбор, перед которым стоит страна: «Смириться с очередной бюрократической приватизацией власти или наконец разорвать замкнутый круг и сделать необратимым разделение власти и собственности» (Гайдар, 2009, с. 328).

Россия в очередной раз встала на путь приватизации власти, слияния власти и собственности и менее всего собирается идти в «первый мир». Колеблясь в 1990-е гг. между Востоком и Западом, она выбрала Восток. В результате сего-

¹ «Вчера они произносили “государство” с обязательным прилагательным “правовое”, сегодня соревнуются, кто выговорит “государство” с более звонкой медью в голосе» (Гайдар, 2009, с. 318).

дня это страна с фиктивными институтами правового государства, произвольными переделами собственности и возведенным в систему государственным рэкетом по отношению к бизнесу.

Характеризуя свою книгу «Государство и эволюция», Е. Гайдар говорил: «...Она о том, что разделение власти и собственности — это важнейшая предпосылка долгосрочного устойчивого экономического роста» (Лекция Егора Гайдара, 10.12.2009). Очевидно, что к настоящему моменту это разделение, появившееся в последнее десятилетие XX в., полностью сошло на нет. Поэтому переход к «долгосрочному устойчивому экономическому росту» явно откладывается для России на неопределенное время. Зато качество ее институтов упало настолько¹, что более реальным ее будущим является период «радикальной деинституционализации», как Е. Гайдар характеризовал смуту.

Источники

- Аганбегян А. О* Е. Т. Гайдаре как выдающемся реформаторе и ученом // Экономическая политика. 2010. № 6. С. 23—31.
- Васильев Л.* Кризис социализма // Через тернии / сост. А. А. Проташик. М., 1990. С. 9—59.
- Васильев Л. С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина и др. М., 2000. С. 96—114.
- Гайдар Е. Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009.
- Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.
- Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.
- Гайдар Е. Т.* Кризис и Россия // Российская экономика в 2009 году. Тенденции и перспективы. Вып. 31. М., 2010. С. 11—35.
- Гайдар Е. Т., Чубайс А. Б.* Развилки новейшей истории России. М., 2011.
- Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (*либеральная апология*) // Вопросы экономики. 2004 (а). № 5. С. 4—27.
- Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (*либеральная апология*) // Вопросы экономики. 2004 (б). № 6. С. 28—56.
- Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2006.
- Дроздова Н.* Новая институциональная экономическая история: понятийно-терминологический экскурс // Экономика и институты / под ред. А. П. Заостровцева. СПб., 2010. С. 255—269.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
- Капелюшников Р.* QWERTY против DSK: методологические заметки // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2006. С. 208—227.
- Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П.* Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М., 2006.
- Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000.
- Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / под общ. ред. И. И. Клямкина. М., 2011.
- Лал Д.* Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., ИРИСЭН, 2007.
- Лекция Егора Гайдара, 10.12.2009. Смуты и институты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2009/12/10/gaidar>
- Мау В.* Долгосрочные вызовы развития России и научное наследие Е. Т. Гайдара // Экономическая политика. 2010. № 6. С. 5—11.
- Мау В. А.* Политическая экономия революции: историко-экономический опыт // Истоки. Вып. 4 / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред) и др. М., 2000. С. 272—342.
- Мизес Л.* Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994.
- Мизес Л. фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.
- Мизес Л. фон.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск, 2007.
- Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.

¹ Подготовленный Всемирным экономическим форумом очередной доклад о глобальной конкурентоспособности стран по качеству институтов ставит Россию на 133-е место из 144 ранжированных в нем стран (The Global Competitiveness Report 2012—2013, 2012, p. 304).

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгайт Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 4—31.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Пайнс Р. Собственность и свобода. М., 2001.

Расков Д. Институциональные исследования как будущее социальных наук // *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 9—31.

Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М., 2004.

Травин Д. Я. Гайдаровская реформа в трудах Гайдара: для чего же на самом деле отпустили цены? // Экономика и общество / под общ. ред. А. П. Заостровцева. СПб., 2011. С. 19—24.

Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., Челябинск, 2008.

Янов А. Л. Россия и Европа. 1462—1921. В 3 кн. Кн. первая. Европейское столетие России. 1480—1550. М., 2008.

Ясин Е. Г. Суть реформ Е. Т. Гайдара с точки зрения институциональной теории // Экономика и общество / под общ. ред. А. П. Заостровцева. СПб., 2011. С. 19—24.

Acemoglu D. Theory, General Equilibrium and Political Economy in Development Economics // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. N. 3. P. 17—32.

Anderson G. M., Boettke P. J. Soviet Venality: A Rent-Seeking Model of Communist State // Public Choice. 1997. Vol. 93. N 12. P. 37—53.

Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, MA, 1962.

The Global Competitiveness Report 2012—2013 / K. Schwab (ed.). Geneva: World Economic Forum, 2012.